

С. Г.

КА
РАЗВАЛИНАХ
КАЛИША

У $\frac{126}{364}$

У/26
364
С. Г.

На развалинахъ Калиша

(Записки очевидца)

Цѣна 25 к.

Издание Т-ва „СОЮЗЪ“.
Петроградъ. Владимірскій пр., 10.
1915

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
4						121	52 1389

Тип. Могиза, зак. 1158

У 426
564

С. Г.

На развалинахъ Калиша

(Записки очевидца)



Издание Т-ва „СОЮЗЪ“.
Петроградъ. Владимірскій пр., 10.

1915



2015061396

Типографія „Викторія“ Знаменская 17. Телефонъ № 32-48.

17 (30-го) Июля 1914 года въ четвергъ въ Калишскомъ лѣтнемъ театрѣ шелъ очередной гастрольный спектакль извѣстнаго польскаго артиста В. Рапацкаго. Это былъ какъ разъ его бенефисъ, и я не играла, а сидѣла за столикомъ съ программами.

Публики въ театрѣ въ этотъ день было значительно меньше обыкновеннаго, ибо началась эвакуація, и это сильно смущало и беспокоило населеніе. Каждую минуту къ моему столу подходилъ кто-либо изъ знакомыхъ съ свѣжими новостями: „войско оставляетъ городъ“... „губернское правленіе вывозить дѣлопроизводство“... „государственный банкъ выѣзжаетъ“...

Всѣ эти новости, надо сознаться, нисколько меня не волновали, и сейчасъ я объясняю это тѣмъ, что тогда не понимала слова „война“ и не представляла себѣ всего того океана ужасовъ, который оно съ собой несетъ. Къ тому же, я говорила себѣ: вѣдь, во всякомъ случаѣ это война съ нѣмцами, съ народомъ, въ высшей культурности котораго нельзя сомнѣваться. И общее волненіе, общая паника казались мнѣ просто смѣшными!

И такъ, я спокойно встрѣчала всѣ новости, увѣренная, что все сойдетъ благополучно. Да и вообще

слишкомъ трудно и прямо невозможно было бы представить себѣ войну въ ...Калишѣ!

На завтра, въ пятницу, паника начала возрастать. Населеніе готовилось къ бѣгству... Сотни и тысячи народу стремились на вокзалъ—старики и дѣти; больные и въ цвѣтѣ силъ, мужчины и женщины—и у каждаго на лицѣ ясно было написано одно: во что бы то ни стало, скорѣе уѣхать, быть какъ можно дальше!

Рапацкій какимъ-то чудомъ добылъ нѣсколько билетовъ, и нѣкоторые изъ нашихъ товарищей по труппѣ рѣшили также бѣжать,—кое-какъ собрали вещи и въ пятницу къ ночи уѣхали послѣднимъ поѣздомъ.

Изъ нашей труппы въ городѣ осталось четырнадцать человѣкъ, не вѣрившихъ въ то, что все можетъ окончиться несчастьемъ. Мы рѣшили играть до конца сезона и, взаимно увѣряя другъ друга въ томъ, что все скоро войдетъ въ норму, составили репертуаръ на оставшійся мѣсяцъ и, въ субботу, 19-го іюля, какъ ни въ чемъ ни бывало, провели спектакль.

Народу было немного, но тѣ, кто пришли, были намъ очень благодарны за то, что нашей музыкой и пѣснями мы приподняли ихъ настроеніе.

Разошлись мы послѣ спектакля въ самомъ хорошемъ настроеніи духа.

А на утро около 6-ти часовъ меня разбудилъ страшный грохотъ. Я сорвалась съ кровати, накинула что-то на себя и выбѣжала во дворъ, гдѣ

застала нѣсколько человѣкъ изъ нашей труппы, также до-нельзя перепуганныхъ.

— Что такое?—спрашиваемъ.

— Взорвали жел.-дор. мосты!.. Вокзалъ и всѣ станціонныя строенія въ огнѣ! Разбиваютъ монопольныя лавки!..—посыпались въ отвѣтъ новости и, какъ бы въ подтвержденіе ихъ, изъ-за домовъ со стороны вокзала плыли по воздуху тяжелые клубы черного дыму.

Мы вышли на улицу и страшное зрѣлище открылось передъ нами. Туда и сюда, безъ всякаго порядка, неслись по аллеѣ толпы народу. Одни—перепуганные и ослѣпленные своимъ испугомъ, другіе—жители предмѣстій,—пьяные до полной потери сознанія, а изъ кармановъ, изъ рукъ, изъ фартуковъ, изъ за пазухъ у нихъ торчали награбленныя изъ разбитыхъ лавокъ бутылки водки и спирта.

— Что вы дѣлаете?—остановила я одну изъ дѣвушекъ.

— А что же?—Вѣдь, полиція хотѣла вылить водку въ канавы, такъ лучше ужъ мы ее выпьемъ!—отвѣтила она и побѣжала дальше, крѣпко прижимая къ себѣ добычу.

Я оставалась на улицѣ и вскорѣ увидѣла нѣсколько появившихся на улицѣ мужчинъ съ голубыми повязками на лѣвыхъ рукахъ, несшихъ полицейскія обязанности. Это была милиція.

Движеніе на улицѣ не уменьшалось. Одни по-прежнему бѣжали съ бутылками въ рукахъ, дру-

гіе—съ узлами и дѣтьми—стремились по направленію къ лодзинскому шоссе.

— Чего вы бѣжите?—спросила я одного изъ нихъ.

— Какъ чего? Развѣ вы не понимаете, что сегодня городъ будетъ занятъ нѣмцами?

— Что же изъ этого? Вѣдь, Калишъ не крѣпость, русскихъ войскъ въ немъ тоже нѣтъ. Остались одни мирные и невооруженные горожане. Значить, нѣмцы войдутъ, оставятъ небольшой гарнизонъ и пойдутъ дальше. Чего же бѣжать?

— Можетъ быть и такъ!—недовѣрчиво шептали бѣженцы.—Дай Богъ!—и продолжали свой путь.

Вернувшись домой, чтобы одѣться и идти въ городъ, я нашла тамъ товарищей, которые подтвердили, что вокзалъ, дѣйствительно, горитъ, что отъ моста остались однѣ развалины и что чернь грабить желѣзнодорожные пакгаузы.

Мнѣ не сидѣлось и, снова выйдя на улицу, я скоро очутилась въ центральной части города. Тутъ ожидало меня новое и еще болѣе ужасное зрѣлище: сотни народу тащили въ разныя стороны награбленное по разбитымъ магазинамъ добро. Оборванные въ дракѣ, черные отъ дыму—они подходили на настоящихъ бандитовъ...

На углахъ и подъ воротами люди съ голубыми повязками на рукавѣ торопливо расклеивали какія то объявленія. Это магистратъ призывалъ населеніе города сохранять спокойствіе и тактъ, въ случаѣ занятія Калиша нѣмцами. Предупреждая о

возможности послѣдняго, магистратъ просилъ жителей не покидать города и тѣмъ не увеличивать паники.

Въ этомъ же объявленіи указывалось, что магистратомъ выпущены въ обращеніе временные пяти, — десяти — и пятидесятикопѣечныя кредитки: онѣ должны были замѣнить мелочь въ звонкой монетѣ, при первой же тревогѣ припрятанную мѣстными комбинаторами.

Городъ шумѣлъ, какъ улей.

День былъ воскресный—одни выходили изъ костеловъ, другіе грабили и пили, и милиціонеры, безсильные въ своей малочисленности, тщетно старались водворить порядокъ...

Въ толпѣ говорили:

— Нѣмцы придутъ въ полдень...

— Нѣмцы уже въ Скальмержицахъ...

— Война объявлена...

— Нѣмцы займутъ все Царство Польское...

Тревога росла и ширилась...

Около 12 ч. дня надъ Калишемъ показался нѣмецкій аэропланъ—покружился надъ городомъ, повернулъ обратно и улетѣлъ.

Это была развѣдка...

Газеты почти каждый часъ выпускали различные прибавленія со свѣжими новостями и призывали сохранять спокойствіе..

Въ томъ, что скоро придутъ нѣмцы, никто уже не сомнѣвался.

Я вернулась домой. Наши сидѣли въ садикѣ, испуганные, хмурые, блѣдные...

— Что-же!—говорили они;—сегодня играть уже не придется... Дай Богъ, чтобы удалось возобновить спектакли въ будущемъ...

Всѣ мы, конечно, какъ истые провинціальные артисты, были безъ копѣйки денегъ, и это загадочное будущее рисовалось намъ въ довольно неприглядномъ видѣ...

— А, можетъ быть, уѣхать?.. убѣжать?—совѣтовали нѣкоторые.

— Но какъ и на какія средства? Вѣдь поѣздовъ нѣтъ, а лошадей можно достать лишь на вѣсъ золота...—возражали имъ. И въ концѣ концовъ, мы, конечно, рѣшили остаться и покориться ожидавшей насъ участи.

Обѣдъ въ тотъ день предложила намъ дирекція театра. Мы ѣли, молча, въ глубокой тоскѣ, и каждый горевалъ про себя, что безденежье приковываетъ насъ къ Калишу.

Около 4-хъ часовъ кто-то крикнулъ:

— Нѣмцы идутъ!...

Я почувствовала, что вотъ-вотъ потеряю сознание, но перемоглась, схватила шляпку и пошла на улицу.

Шумъ и гвалтъ стоялъ неописуемый. Всѣ метались по улицамъ, какъ оглашенные, и бѣжали, кто на встрѣчу нѣмцамъ, кто въ самые отдаленные закоулки, чтобы лучше спрятаться.

Въ магистратѣ шло засѣданіе. Совѣтники съ президентомъ города во главѣ ждали нѣмцевъ.

Къ этому дню, какъ я уже говорила, всѣ казенныя учрежденія были эвакуированы, но, какъ говорили въ толпѣ, одинъ изъ чиновниковъ казначейства*) остался и сжигаетъ деньги, которыя не успѣли вывезти.

Вольная пожарная дружина и милиція пытались водворить въ уличномъ движеніи хоть какой нибудь порядокъ, но всѣ ихъ усилія были безуспѣшны, и толпа заливала не только тротуары, но и всю мостовую...

А день былъ прекрасный: теплый, яркій, и солнце золотомъ своихъ лучей щедро обливало весь городъ, обреченный уже на гибель...

Вмѣстѣ съ толпою я вышла на Вроцлавскую улицу, по которой въ направленіи отъ сожженной станціи, ожидалось вступленіе въ городъ непріятеля. Меня поразило, что, среди встревоженныхъ испуганныхъ лицъ, было такъ много и совершенно спокойныхъ и даже улыбающихся и производившихъ впечатлѣніе, что вотъ сейчасъ случится то, чего они давно уже ожидали. Всѣ эти люди говорили, главнымъ образомъ по нѣмецки...

Кое гдѣ встрѣчались кучки людей, тихо говорившихъ между собою и по-польски. Они обычно повторяли другъ другу слова президента города, завѣрявшаго населеніе, что мирнымъ жителямъ

*) Губ. казначей г. Соколовъ.

ничего дурного не будетъ и что надлежитъ лишь по вступленіи нѣмцевъ непрекословно исполнять ихъ приказанія и сохранять спокойствіе.

Идя дальше, я встрѣтила нѣсколько своихъ знакомыхъ.

Увидѣвъ меня, они удивились безмѣрно.

— Какъ? вы не бѣжали?

— Зачѣмъ же?—отвѣчала я.—Мы, быть можетъ, будемъ еще играть.

Они недовѣрчиво усмѣхались:

— Что-же, проживемъ увидимъ. А только очень ужъ вы храбры.

— Нѣтъ, приче́мъ же здѣсь храбрость. Я просто не вѣрю, что съ мирными людьми можетъ что нибудь случиться!

— Дай Богъ, чтобы ваши сужденія васъ не обманули!—пожимали они плечами...

Я пошла дальше и хотѣла во что бы то ни стало пробраться къ станціи, но когда я почти уже приблизилась къ ней, хлынувшая откуда то толпа снова отнесла меня обратно.

Когда я дошла до каменнаго моста, что на Вроцлавской, часы на городской башнѣ пробили шесть и тотчасъ же вдали раздался крикъ:

— Ъдутъ!.. Ъдутъ!..

И между двухъ стѣнъ раздавшейся толпы какой то нѣмецкій солдатъ промчался на велосипедѣ до самаго рынка, тамъ повернулъ обратно и вскорѣ опять скрылся за станціонными зданіями.

Это была первая нѣмецкая каска, которую я увидѣла.

Ахъ! почему она не была и послѣдней!

Черезъ полчаса послѣ появленія велосипедиста раздался трубный сигналъ и глухо донеслась воркотня барабановъ. Милиція оттѣснила толпу къ троттуару, а посрединѣ улицы потекла прусская пѣхота. Говорили, что это былъ 105-ый полкъ.

Между первымъ батальономъ и вторымъ— ѣхалъ верхомъ на лошади майоръ. Высокій, нѣсколько одутловатый блондинъ, съ жестокимъ противнымъ выраженіемъ лица, съ моноклемъ въ глазу, какъ впрочемъ и всѣ окружавшіе его офицеры. Всѣ они, кромѣ майора, охотно разглядывались на женщинъ, получше одѣтыхъ и болѣе красивыхъ... Они же объясняли толпѣ, что ихъ майоръ — Прейскеръ, комендантъ Калиша!

Вслѣдъ затѣмъ въ толпѣ раздался жиденькій крикъ:

— Noch, Noch Вильгельмъ! — и въ Прейскера полетѣло нѣсколько цвѣтковъ.

Офицера пріостановились и салютовали кричавшимъ...

Въ толпѣ говорили, что нѣмцы привезли съ собою и артиллерію, которую вмѣстѣ съ пулеметами оставили на станціи...

Посмотрѣвъ на нѣмцевъ, я пошла въ кондитерскую Мейера, отъ которой теперь нѣтъ ужъ и слѣда, но которая тогда была центромъ всѣхъ новостей.

Кондитерская была полна и съ трудомъ найдя себѣ мѣсто, я вся превратилась въ слухъ.

Какъ оказалось, публику больше всего волновало то обстоятельство, что Прейскеръ, вступивъ въ городъ, не сдѣлалъ визита въ магистратъ, а, проѣхавъ прямо въ Европейскую гостиницу, президента и совѣтниковъ вызвалъ къ себѣ.

А вскорѣ въ кондитерскую пришелъ кто то еще и сообщилъ, что казначей Соколовъ арестованъ за сожженіе государственныхъ бумагъ.

Говорили, что городъ переполненъ нѣмецкими шпионами, чутко слѣдящими за общественными настроеніями.

Говорили и о многомъ другомъ и скоро создался цѣлый хаосъ новостей.

Во всякомъ случаѣ опредѣленно стало извѣстно, что комендантъ потребовалъ выдачи ему всей личности, имѣвшейся въ городской кассѣ, а также всѣхъ запасовъ муки съ мельницъ, и издалъ объявленіе о томъ, что вся власть въ городѣ переходитъ съ нынѣшняго дня въ его руки. Шесть городскихъ делегатовъ съ президентомъ во главѣ отвѣчали своей жизнью за спокойствіе въ городѣ. Въ 9 часовъ вечера должно было тушиться все освѣщеніе и прекращаться всякое движеніе по городу. Зрѣлища были воспрещены; рестораны, кромѣ перворазрядныхъ, закрыты. Съ вечера до утра полицейскую службу въ городѣ должны были нести военные патрули, а днемъ—милиція.

Всѣ эти объявленія и приказы были моментально отпечатаны и расклеены по городу.

Въ десятомъ часу я оставила, наконецъ, кондитерскую и отправилась домой.

Въ паркѣ и въ Аллеѣ Жозефины сидѣло много народу, главнымъ образомъ, евреевъ. Инѣсколько почтенныхъ горожанъ обратились къ нимъ съ просьбой не нарушать обязательнаго постановленія и разойтись.

Однако, гуляющіе не склонны были послушать ихъ и говорили, что жалко разстаться съ такимъ теплымъ, хорошимъ вечеромъ, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ повредить коменданту ихъ гуляніе не можетъ...

На улицахъ показались патрули и я поспѣшила домой.

У насъ было тихо. О приказахъ Прейскера здѣсь уже знали, и ресторанъ, помѣщавшійся внизу, былъ закрытъ. Товарищи собирались пойти завтра къ Прейскеру и просить о разрѣшеніи возобновить спектакли,—вѣдь, для насъ дѣло шло о кускѣ хлѣба, о возможности существованія!..

Я была слишкомъ измучена всѣмъ пережитымъ за день и ушла спать. Однако, заснуть долго не удавалось. И уже около полуночи я подошла къ окну и поглядѣла, что дѣлается на улицѣ: На лавочкахъ, у воротъ, на балконахъ и т. д., какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣла въ мирной бесѣдѣ молодежь!..

Мимо ходили патрули и молодежь останавливала ихъ, угощала папиросами и пыталась втянуть въ разговоръ.

Однако, патрульные отвѣчали весьма неохотно и часто покрививали:

— Спать!.. спать пора!

Боясь, чтобы меня не замѣтили, я отошла отъ окна.

Моя маленькая комнатка вся была увѣшана портретами моихъ дорогихъ покойниковъ... родителей, мужа, ребенка... Я молилась за нихъ всею душой, склонившись передъ образомъ Ченстоховской Божьей Матери, старинной иконой, свято чтившейся въ нашемъ роду и переходившей изъ поколѣнія въ поколѣніе.

— Марія!.. спаси насъ, Царица! — молила я ее, обливаясь слезами.

Совершенно измученная, я, наконецъ, заснула...

Около 4-хъ часовъ утра меня разбудили какіе то выстрѣлы... далекіе... глухіе...

Сначала я даже ничего не сообразила и думала, что это просто игра разстроеннаго воображенія, но потомъ быстро одѣлась и выбѣжала въ городъ. По секрету мнѣ сообщили, что нѣмцы стрѣляли въ запасныхъ, призванныхъ къ явкѣ въ г. Ласкъ. Тамъ они комиссіи уже не застали и, ничего не подозрѣвая, съ пѣсней на устахъ, возвращались въ родной Калишъ.

Стрѣляли въ нихъ патрули, принявъ возвращавшихся за регулярное войско, и, говорятъ, что было убито очень много.

Говорили объ этомъ шопотомъ. Самый фактъ нѣмцы скрывали, и убитые тотчасъ же были зарыты тутъ же у шоссе...

Въ понедѣльникъ же разстрѣляли арестованнаго наканунѣ казначея Соколова. Прейскеру въ этотъ же день президентъ магистрата передалъ 29 тыс. руб. городскихъ денегъ. Тогда же началась насильственная реквизиція муки на мельницахъ, причемъ муку эту нѣмцы отправляли въ Островъ. Конфискована была также оставленная аммуниція и обмундированіе пограничной стражи, бѣлье и т. п.

Солдаты нѣмецкіе держали себя вызывающе и жить въ казармахъ категорически отказались, заявивъ, что тамъ слишкомъ дурно пахнетъ!..

Всевозможные приказы и ограниченія объявлялись отъ имени Прейскера почти каждый часъ, а самъ онъ и весь его штабъ—пили, пили и пили безъ памяти.

Между прочимъ, въ понедѣльникъ 21-го іюля, во всемъ городѣ реквизировали всѣ автомобили и экипажи, а показываться на улицахъ съ этого дня запретили уже съ семи часовъ вечера. Освѣщать дома, впрочемъ, по прежнему можно было до 9 часовъ.

Слѣдуя примѣру начальства, безъ всякой мѣры пили и солдаты. Они якшались съ городскими подонками, которые и угощали нѣмцевъ награбленнымъ спиртомъ.

Несчастные! они думали расположить этимъ къ себѣ солдатъ, но вышло наоборотъ: это, именно,

и вызвало ту страшную катастрофу, которая не заставила долго себя ждать.

Этой же ночью, на углу Вроцлавской и Рыбной улицъ, два сошедшихся съ противоположныхъ концовъ улицы патруля въ темнотѣ не распознали другъ друга и открыли одинъ въ другого стрѣльбу.

На звуки выстрѣловъ изъ квартиръ выбѣжали на улицу пьяные и сонные солдаты и, полагая, что пришли русскіе, въ свою очередь открыли безпорядочную стрѣльбу по всѣмъ направленіямъ.

На утро я видѣла на рынкѣ валявшіяся ружья, разстрѣлянные обоймы, каски, трупы лошадей. Убитыхъ солдатъ успѣли уже убрать, а раненыхъ помѣстили по госпиталямъ.

Это было прологомъ всей калишской трагедіи послѣ котораго событія стали развиваться съ ключительной быстротой.

Прейскеръ заявилъ, что стрѣляли въ солдатъ городскіе жители и, въ виду сего, потребовалъ отъ города шестерыхъ заложниковъ и 50 тысячъ контрибуціи.

Одновременно въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ подтверждались всѣ прежніе приказы и особенно подчеркивалось требованіе не освѣщать ночью квартиръ.

Этимъ Прейскеръ, однако, не удовлетворился и начался терроръ...

Онъ рѣшилъ, что первые выстрѣлы въ его солдатъ произведены были изъ уголовного дома по

Рыбной и Броцлавской улицамъ, гдѣ какъ разъ столкнулись между собою пьяные патрули, — и приказалъ сначала обстрѣлять домъ изъ пулеметовъ, а потомъ сжечь его до тла. вмѣстѣ съ домомъ сгорѣло и все обитавшее въ немъ еврейское семейство (нѣкихъ Капланъ), состоявшее изъ 13 чело-вѣкъ. Кромѣ того, Прейскеръ приказалъ дать нѣсколько залповъ вдоль улицъ и жертвами этихъ залповъ пало: 19 мирныхъ обывателей на Броцлавской улицѣ, 15—на Рыбной, 20—около костела св. Юсифа (между ними мать съ двумя дѣтьми) и 30—въ городскомъ паркѣ.

Къ двумъ часамъ дня въ городѣ воцарилась мертвая тишина. Всѣ сидѣли, попрятавшись по квартирамъ, и по улицамъ рыскали только озвѣрѣвшіе нѣмцы.

Въ 5 часовъ подожженъ былъ магистратъ и прилегающіе къ нему дома, и кровавое зарево надолго повисло надъ несчастнымъ городомъ.

А Прейскеръ попрежнему издавалъ приказъ за приказомъ и, между прочимъ, потребовалъ, чтобы населеніе немедленно выдало все имѣвшееся у него оружіе.

Делегаты отъ города и президентъ пробовали объяснить Прейскеру, что въ ночныхъ событіяхъ повинны были сами патрули, но онъ ничего и слышать не хотѣлъ.

Заложники выведены были на площадь и Прейскеръ приказалъ имъ лечь на землю, а солдаты произвели надъ ними нѣсколько залповъ въ воздухъ.

Затѣмъ заложникамъ приказано было встать. Встало однако только пять человѣкъ: шестой умеръ отъ разрыва сердца.

Трупъ его зарыли, а остальныхъ отправили подъ конвоемъ въ Бреславль.

Ошалѣвшій отъ власти дикарь, озвѣрѣвшій солдатъ, типичное порожденіе нѣмецкой культуры, комендантъ Прейскеръ выдумывалъ съ каждымъ часомъ новыя издѣвательства.

На городъ выпущены были солдаты, которымъ приказано было произвести въ частныхъ квартирахъ тщательнѣйшее разслѣдованіе, не прячутся ли тамъ русскіе воины и чиновники.

Въ одной изъ квартиръ лежалъ въ параличѣ старикъ, за которымъ ухаживала его 18 лѣтняя дочка—учительница музыки. Солдаты изнасиловали ее на глазахъ у отца и послѣдній умеръ отъ удара при видѣ терзаній дочери.

Въ тотъ же день солдаты сожгли газовый заводъ и всѣ склады керосина, и на улицахъ съ наступленіемъ вечера была абсолютная тьма.

Солдаты звѣрствовали, не переставая, и люди не выходили изъ домовъ даже за хлѣбомъ. Да, впрочемъ, всѣ лавки были заперты и торговала только одна пекарня Мыстковского, но и оттуда весь хлѣбъ забирало войско...

Вечеромъ мы собрались на выходившемъ въ театральнѣй садъ балконѣ у одной изъ подругъ по труппѣ. Сидѣли мы молча и думали объ од-

номъ: почему не убѣжали мы вмѣстѣ съ остальными?.. что будетъ съ нами дальше?

Денегъ у насъ не было. Начиналась голодовка. Положеніе было ужасное, безвыходное.

Около полуночи взошелъ мѣсяцъ. Ночь была чудная и тишина понемногу сошла въ наши измученныя сердца...

Вдругъ наверху что-то дробно затрещало—какъ будто аэропланъ или цеппелинъ. Мы подняли головы—ничего! Но трескъ все продолжался и что-то, какъ градъ, стало падать около насъ.

— Но, вѣдь, это—пули... пули летятъ!—вдругъ поняла я.

— Прячьтесь!—крикнулъ кто-то изъ нашихъ.

Мы вбѣжали въ комнаты перваго этажа и ясю слышали, что выстрѣлы все приближаются.

Нѣмцы шли аллеей, стрѣляя въ окна.

Мы легли на полъ, и въ стѣны долго еще барабанили пули.

Вручивъ мысленно душу свою Богу, я тихо молилась Богородицѣ словами старой пѣсни:

„Предстань за насъ,

Молись за насъ—

Теперь и въ смертный часъ“!

Почему именно эти, а не другія слова вспомнились мнѣ тогда, я не знаю, но помню, что я безъ конца повторяла машинально:

„Теперь и въ смертный часъ“...

Я была увѣрена, что этотъ часъ пробилъ уже для меня. Выстрѣлы раздавались все чаще и пули залетали уже въ комнату.

Сколько времени продолжался обстрѣлъ, я не знаю,—не могла уяснить себѣ ни тогда, ни потомъ,—но затѣмъ пальба вдругъ умолкла.

Выждавъ нѣсколько времени, мы встали съ пола полуживыми и смотрѣли другъ на друга, какъ на вставшихъ изъ гроба...

Подъ утро раздалось еще нѣсколько залповъ. И наконецъ воцарилась тишина—и мы легли спать.

Однако, долго спать не пришлось и уже въ семь часовъ утра меня разбудили вѣстью, что нѣмцы выступаютъ изъ города, направляясь въ сторону станціи.

Что могло это значить? Неужели начиналось отступленіе?

Одинъ изъ товарищѣй вышелъ въ городъ, чтобы достать хлѣба и молока. Вышла и я за ворота посмотреть, что дѣлается на улицѣ.

Дѣйствительно, нѣмцы уходили... но это-то и было началомъ новыхъ еще болѣе горькихъ бѣдъ. Вскорѣ мы слышали какъ бы раскаты грома—сначала одинъ, потомъ другой... третій... десятый...

Сердце упало у насъ, а тутъ съ улицы вбѣжалъ обратно нашъ товарищъ — безъ молока и хлѣба, но съ крикомъ:

— Прячьтесь въ подвалы: нѣмцы бомбардируютъ городъ!..

И тотчасъ же подъ головами завyla шрапнель, ударившая въ уголъ сосѣдняго дома.

Черезъ нѣсколько мгновеній всѣ мы оказались въ подвалѣ. Мужчины взволнованно молчали, женщины молились... Дѣти плакали отъ голода и страха...

Канонада все усиливалась, и казалось, что земля вздрагиваетъ до самаго основанія, что весь городъ падаетъ въ какую то бездонную пропасть. Грохотъ рушащихся стѣнъ, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, громъ выстрѣловъ—все это сливалось въ какую то дикую музыку, не умолкавшую ни на минуту.

Я чувствовала, что больше не выдержу и, оставивъ подвалъ, вышла въ сѣни и чуть пріотворила дверь на дворъ. Свѣжій вѣтерокъ нѣсколько привелъ меня въ себя и я стала уже успокаиваться, какъ вдругъ надъ головою опять завyla шрапнель.

— Разорвется или нѣтъ?—Шрапнель пронеслась дальше...

Въ 3 часа дня нѣмцы перестали, наконецъ, стрѣлять и начали возвращаться въ городъ. Шли тихо, съ любопытствомъ осматриваясь по сторонамъ и съ интересомъ знакомясь съ результатами бомбардировки.

Населеніе, нѣсколько успокоенное тишиной, покинуло подвалы и отъ повторенія подобныхъ случаевъ искало спасеніе въ бѣгствѣ изъ города. Лощадей, конечно, не было, и изъ города уходили

пѣшкомъ, наскоро связавъ въ небольшіе узлы самыя необходимыя вещи.

Однако, узнавъ объ этомъ, Прейскеръ запретилъ жителямъ оставлять городъ, заявивъ, что бомбардировка была наказаніемъ за стрѣльбу по его солдатамъ.

Относительное спокойствіе въ городѣ продолжалось очень недолго, и еще вечеромъ того же дня, солдаты вновь подожгли нѣсколько домовъ.

Прейскеръ приказалъ открыть всѣ магазины, однако въ большинствѣ случаевъ приказаніе его оказалось невыполнимымъ, такъ какъ владѣльцы ихъ успѣли бѣжать, и это повлекло новыя репрессіи...

Вечеромъ въ городѣ опять настала могильная тишина, и только трещали объятые пламенемъ дома, разбрасывая вокругъ снопы искръ и застилая небо багрово-чернымъ дымомъ.

Наша актерская братія и не помышляла о бѣгствѣ. Истерзанные и физически и морально, мы рано отправились спать, но... отдохнуть пришлось недолго. Въ 12 часовъ ночи меня разбудилъ страшный грохотъ.

— Боже!.. Снова бомбардировка!—пронеслось въ головѣ и я быстро сбѣжала внизъ. Въ сѣняхъ тѣснились уже всѣ наши, испуганные, дрожащіе.

Нужно было проскочить черезъ дворъ къ большому подвалу, ибо въ маленькомъ, въ который можно было спуститься изъ сѣней, помѣщалось всего четверо и онъ былъ уже занятъ.

Я проскочила черезъ дворъ первая, а за мной благополучно пробѣжали и всѣ остальные, и мы забились въ дальній уголъ подвала, вмѣстѣ съ крысами и всяческой нежитью.

Стрѣляли изъ пушекъ, непереставая...Прейскеръ еще разъ каралъ городъ за пьянство своихъ солдатъ.

Бомбардировка продолжалась до 10 час. утра, когда нѣсколько храбрецовъ, изъ числа сидѣвшихъ съ нами, вышли въ городъ, чтобы достать чего нибудь съѣстнаго, ибо дѣти плакали съ голоду.

И снова, прекративъ бомбардировку, не спѣша возвращались въ городъ солдаты Прейскера, любясь результатами своего дьявольскаго дѣла.

Послѣ этой бомбардировки часть жителей снова искала спасенія въ бѣгствѣ изъ города и на этотъ разъ, ихъ хотя и задерживали, но не очень, и большинству удалось бѣжать.

Что же касается меня, то я была такъ измучена, такъ разбита, что, право, мнѣ было все равно, что бы ни ожидало меня въ дальнѣйшемъ... Жизнь моя не нужна никому, всѣ мои близкіе давно уже на томъ свѣтѣ... я—одна, и умереть здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, тѣмъ или инымъ способомъ—не все ли равно. Могло пугать меня развѣ только искалѣченіе, но—не смерть, которой я совершенно перестала бояться.

Одинъ изъ актеровъ нашей труппы—Калиновскій—совсѣмъ помѣшался подъ вліяніемъ пережитого. Бѣгалъ по двору, роя руками ямки, чтобы

укрыться отъ выстрѣловъ, несъ всякую чепуху, а затѣмъ сорвалъ со стѣны Распятіе, сунулъ его въ карманъ, завернулся въ одѣяло и заявилъ, что идетъ въ Варшаву. Мы пробовали его задержать, но онъ сначала сталъ плакать, жалуясь, что мы хотимъ его смерти, а потомъ разсердился, впалъ въ дикое бѣшенство и, наконецъ, удралъ...

Мнѣ потомъ говорили, что ему удалось благополучно добраться до Варшавы. Милость Божія хранила его...

Остальные изъ нашей труппы начали пить... пить все больше и больше, и это было тѣмъ ужаснѣе, что пищи не было почти совершенно, и пили они, не закусывая.

Въ четвергъ 24-го іюля, въ 5 час. вечера, нѣмцы начали бомбардировать городъ въ третій разъ. Канонада продолжалась всю ночь, съ часовымъ перерывомъ, вызваннымъ перегрѣваніемъ орудій. А какъ только, въ пятницу въ 8 час. утра, канонада прекратилась, ошалѣлые жители вновь бросились къ заставамъ, ища спасенія изъ этого пекла.

Бѣжали босые, въ одномъ бѣльѣ... матери несли на плечахъ плачущихъ дѣтей... бѣжали ничего не соображая, безъ всякаго плана, падая на каждомъ шагу, натыкаясь другъ на друга—съ одной цѣлью—во что бы то ни стало и куда бы то ни было удрать, вырваться изъ злодѣйскихъ объятій Прейскера.

Однако, объятія эти сжимались все тѣснѣе и тѣснѣе и въ бѣглецовъ приказано было стрѣлять.

Подъ выстрѣлами падали одни, но остальные бѣжали не останавливаясь, пока ихъ не постигала участь первыхъ.

Кромѣ того, 708 человѣкъ мужчинъ задержали на заставахъ и отправили, въ качествѣ плѣнныхъ, въ Германію.

Въ первую минуту, при видѣ этого грандіознаго бѣгства, и мною овладѣло общее стремленіе, и я хотѣла уже бѣжать за всѣми. Но при видѣ падающихъ подъ выстрѣлами людей, во мнѣ проснулся инстинктъ самосохраненія и приковалъ меня къ мѣсту. Я осталась. Я была какъ мертвая... нѣмая, окаменѣлая, и только горячія слезы текли неустанно по моему лицу.

Изъ нашего дома бѣжали почти всѣ, и изъ всей труппы осталось едва нѣсколько человѣкъ,—безъ всякихъ средствъ и, тѣмъ самымъ, безо всякой возможности и бѣжать, и существовать въ Калишѣ.

Силы и энергія оставили меня окончательно, и я безъ движенія и мысли цѣлыми часами простаивала, обливаясь слезами, въ сѣняхъ нашего опустѣлаго дома.

Полное отчаяніе начало своимъ ядомъ заливать мнѣ сердце и мозгъ... я была близка къ самоубійству!..

Въ одну изъ такихъ минутъ я вдругъ почувствовала, что меня кто-то гладитъ по головѣ и услышала ласковыя, милыя слова, произнесенныя по русски.

— Не плачьте такъ горько... я тоже совсѣмъ одинока... Мой генераль съ женою должны были выѣхать, хотѣли и меня взять съ собой—но я рѣшила остаться тутъ. Жалко было оставлять столько прекрасныхъ вещей, собранныхъ генераломъ, жалко было бросать на произволъ судьбы все ихъ хозяйство... Вѣдь, я у нихъ уже 40 лѣтъ состою экономкой! Почти какъ родные они мнѣ. Ну и рѣшила, что можетъ спасу что нибудь... А убьютъ меня нѣмцы, ну что же дѣлать: вѣдь, я погибну за Царя и моего генерала!

Я подняла глаза и увидала передъ собой экономку жившей до эвакуаціи въ лицевомъ флигелѣ семьи генерала Гловачевского, которую уже и раньше встрѣчала у насъ на дворѣ.

Маша Бѣлецкая—была 70-лѣтней старушкой, бѣлой какъ снѣгъ, какъ голубка, со сморщеннымъ въ кулачекъ лицомъ, которое освѣщалось парой большихъ ласковыхъ голубыхъ глазъ.

Подвижная, энергичная, по гробъ жизни не за страхъ, а за совѣсть, преданная своимъ господамъ, она олицетворяла собою типъ старой домашней прислуги-друга, воспѣтый неоднократно русскими писателями.

И дѣйствительно, Маша была этимъ классическимъ типомъ,—въ каждомъ своемъ движеніи, въ каждой мысли, въ доходившей до фанатизма привязанности къ своему великому отечеству, къ своей религіи, къ своему Царю, къ своимъ господамъ.

О Машѣ Бѣлецкой можно было бы написать нѣсколько главъ въ большой повѣсти, но меня недостатокъ мѣста заставляетъ къ сожалѣнію ограничиться лишь этой бѣглою обрисовкой портрета чудеснаго человѣка, посланнаго мнѣ милосердною судьбой въ самую тяжелую минуту моей жизни.

— Знаете что, — продолжала Бѣлецкая — уложите, какъ въ дорогу, свои вещи, закройте ихъ въ подвалъ, а сами переѣзжайте ко мнѣ. У насъ пять комнатъ, и тѣсно намъ двоимъ не будетъ. Будетъ, правда, голодно... ой, голодно! но едва ли вы этого боитесь!

Я горячо расцѣловала Машу, уложила вещи, снесла ихъ въ подвалъ, а сама съ одной лишь иконой Ченстоховской Божіей Матери перебралась подъ кровъ семьи Гловачевскихъ.

Я была счастлива уже однимъ тѣмъ, что могла совершенно избавиться отъ моихъ товарищей, которые, въ поискахъ забвенія, пили безъ просыпу, что было вовсе не такъ трудно, ибо въ разбитомъ нѣмцами театральномъ буфетѣ оставалось еще болѣе чѣмъ достаточно и водки, и вина.

Мы съ Машей мигомъ сошлись и выработали условія сожительства.

Такъ какъ Маша очень плохо говорила по польски, а я все-таки немного знала по нѣмецки, то было рѣшено, что, въ случаѣ появленія у насъ солдатъ, говорить съ ними буду я, она же должна была молчать.

Квартира Гловачевскихъ находилась въ первомъ этажѣ и, такъ какъ я любила высовываться въ окно и наблюдать за улицей, то, во избѣжаніе недоразумѣній, Маша обвязала мнѣ платками и ватой лицо, велѣла подчеркнуть глаза, одѣла на меня широкій темный капотъ и преобразила въ больную. Въ такомъ видѣ я, конечно, могла подходить къ окнамъ и дышать дивнымъ ароматомъ цвѣтовъ, насаженныхъ подъ ними въ такомъ роскошномъ изобиліи, что даже проходившіе мимо нашего дома патрули останавливались, чтобы полюбоваться ими.

Въ субботу, 26-го іюля, утромъ меня разбудили крики, доносившіеся съ улицы. Я вскочила съ кровати, подбѣжала къ окну и чуть не упала отъ дикаго зрѣлища, представившагося моимъ глазамъ. Огромная толпа мужчинъ и женщинъ съ предмѣстья неслась аллеей, волоча съ собой различные предметы. Тутъ были мѣшки кофе, мѣховыя пальто, сахаръ и чай, штуки сукна и дорогихъ матерій, часы, лампы и т. п. Всѣ были въ отрепьяхъ, полупьяные, окровавленные въ непрестанныхъ дракахъ за обладаніе той или иною вещью.

Бѣжали они со стороны рынка, надъ которымъ клубились облака черного дыма.

Я упростила протестовавшую противъ этого Машу разрѣшить мнѣ выйти, протолкалась черезъ толпу и скоро достигла рынка. Онъ весь былъ въ пламени, среди котораго копошились толпы солдатъ и черни.

Пылали всѣ дома, окружавшіе площадь,—всѣ лавки были разбиты. Передъ ними стояли огромныя военныя подводы, грузившіяся всѣмъ, что было подороже. Остальное солдаты бросали толпѣ, подхватывавшей вещи съ животной жадностью.

Кромѣ того, толпа и сама грабила магазины. Однако солдаты выбрасывали оттуда мужчинъ, оставляя въ лавкахъ лишь женщинъ, которыя затѣмъ выбѣгали оттуда, всклокоченныя, съ горящими лицами, истерзанныя, но зато съ дорогою добычей въ рукахъ...

Дома горѣли и рушились... стоялъ адъ, въ которомъ царили озвѣрѣвшіе солдаты, обезумѣвшая толпа... и пламя...

Я вернулась домой совершенно безъ силъ... и заснула на нѣсколько часовъ тяжелымъ каменнымъ сномъ несчастныхъ...

Въ послѣдующіе дни толпы уже не видѣли, но солдаты ежедневно поджигали по нѣсколько домовъ... Казалось порою, что горитъ весь Калишъ...

Пожаръ не прекращался 11 дней, а на двѣнадцатый, подложивъ подъ костель на Вроцлавской улицѣ мины, нѣмцы взорвали его. Костель развалился на четыре части, похоронивъ подъ собою десятки людей. Затѣмъ варвары подожгли госпиталь съ ранеными и больными, большую часть которыхъ сестрамъ ордена св. Винцента удалось, впрочемъ, спасти, помѣстивъ въ зданіи женской гимназіи. Затѣмъ нѣмцы сожгли часовню, массу вѣт-

ряныхъ мельницъ и всю Вроцлавскую улицу, начиная отъ парка.

Какъ-то, когда я сидѣла въ Машиной комнаткѣ за чаемъ (конечно, безъ сахара, котораго давно уже не было) и сухарями изъ чернаго хлѣба, кто-то вдругъ постучалъ съ параднаго хода...

Я открыла двери и впустила офицера съ тремя солдатами. Онъ заявилъ, что ему приказано обойти всѣ квартиры и заявить, что жители должны покинуть городъ къ 3-мъ часамъ утра, ибо Прейсгеромъ приказано сравнять его съ землею...

Это былъ послѣдній ударъ, конечно, для тѣхъ несчастныхъ, которымъ некуда было и не на что бѣжать!

Они окончательно потеряли голову и бѣжали по комнатамъ, какъ безумные, хватаясь то за одно, то за другое—и помня лишь, что къ 3-мъ часамъ утра надо бѣжать во что бы то ни стало.

Мы съ Машей стали упаковывать наиболѣе цѣнныя вещи Головачевскихъ и выносили ихъ въ подвалъ. Въ комнатахъ осталась только мебель.

Маша, хмурая, серьезная, связала свой узелокъ, я захватила немного бѣлья и икону Дѣвы Маріи—и была готова. Я ждала только Машу и, удивленная тѣмъ, что она такъ долго не выходитъ изъ комнаты генерала, зашла туда. Машу я застала на колѣняхъ, передъ письменнымъ столомъ, надъ которымъ висѣлъ большой портретъ Государя.

— Идемъ же,—сказала я ей,—пора!

Она подняла на меня заплаканные глаза и прошептала:

— Идите вы, барыня, — а я ужъ останусь здѣсь, съ моимъ Государемъ. Взять портретъ съ собою я не могу; спрятать его тоже негдѣ, какъ же его оставить? Пусть ужъ лучше меня и убьютъ тутъ.

Потомъ Маша перевела глаза на портретъ и продолжала:

— Спаси насъ, Батюшка, и помилуй! Грустное у Тебя лицо какое! Нѣтъ, не брошу я Тебя.... не пойду!

Я не знала, что и предпринять, а было уже два часа, т. е. до срока, даннаго Прейскеромъ, оставался всего часъ!

Я вышла во дворъ и увидѣла тамъ нѣсколько человѣкъ, уже готовыхъ къ уходу. Женщины плакали...

Я рѣшила было пристать къ этой группѣ и идти вмѣстѣ съ нею, какъ вдругъ во дворъ вбѣжали нѣсколько мужчинъ, съ вновь назначеннымъ бургомистромъ Михелемъ во главѣ, и объявили намъ, что можемъ остаться: Прейскеръ великодушно милуетъ городъ и его жителей!

Увы, отъ города оставались только развалины, а отъ жителей — небольшая горсточка голодныхъ, измученныхъ невинныхъ жертвъ!

Мужчины, сообщившіе намъ „радостную“ новость, были пруссаками милиціонерами и, въ отличие отъ милиціи городской, имѣли на лѣвомъ рукавѣ черные кресты.

Я поспѣшила сообщить эту новость Машѣ, и она со слезами благодарила Бога и Государя за защиту въ несчастіи.

Итакъ, мы могли быть спокойными—кто зналъ, надолго ли?

Въ тотъ же день, часовъ около пяти, кто-то позвонилъ съ парадныхъ сѣней. Я открыла двери и увидѣла какого-то господина въ изорванномъ и истрепанномъ костюмѣ и въ спортивной фуражкѣ на головѣ. Онъ просилъ разрѣшенія немного отдышаться и отдохнуть и представился мнѣ. Истерзанный господинъ этотъ оказался присяжнымъ повѣреннымъ Гадамскимъ.

Онъ разсказалъ, что былъ арестованъ нѣмцами въ числѣ трехсотъ наиболѣе уважаемыхъ горожанъ. Ихъ погнали пѣшкомъ въ Островъ. Ни пить, ни ѣсть имъ не давали и только на третій день дали немного воды, заявивъ:

— Пейте, польскіе псы. Только знайте, что вода отравлена!

Все время дороги имъ грозили разстрѣломъ и нѣсколько человѣкъ подъ разными предлогами, дѣйствительно, разстрѣляли.

Пригнавъ ихъ въ Островъ, нѣмцы на завтра же погнали ихъ обратно, ибо, какъ слышалъ Гадамскій, изъ Берлина приказано было ихъ немедленно освободить. Прейскеръ же и его присные тѣмъ же приказомъ смѣщались съ должностей и возвращались въ строй.

Несмотря на это, во время обратнаго пути нѣмцы всячески издѣвались надъ несчастными, били ихъ и плевали имъ въ лицо.

Въ городѣ имъ разрѣшили идти уже безъ конвоя, но потрясенный видомъ развалинъ, Гадомскій могъ добраться лишь до ближайшаго дома, который оказался нашимъ; съ трепетомъ и волненіемъ спрашивалъ онъ, не слышала ли я, гдѣ теперь его жена и дѣти и что съ ними, но я, конечно ничего не могла ему отвѣтить и, посидѣвъ немного, Гадомскій отправился разыскивать своихъ.

Слова Гадомскаго оправдались.

Въ теченіе ближайшихъ же сутокъ Прейскера, со всѣми окружавшими его богатырями, отозвали.

Чудовище, съ именемъ человѣка — и конечно, пруссакъ — сытое отъ крови, слезъ и причиненныхъ имъ несчастій, проклиняемое десятками тысячъ невинныхъ жертвъ, оставило наконецъ поле своихъ звѣрствъ, закончило свою кровавую оргію. Но имя его останется безсмертнымъ и, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, будетъ неизмѣнно будить во всѣхъ ненависть и проклятія...

Новый комендантъ прибылъ въ Калишъ во главѣ отряда саперовъ, ландштурма и регулярныхъ войскъ. Ландштурмъ и саперы были расквартированы въ городѣ, а регулярныя войска въ окрестностяхъ.

Съ перваго же дня саперы начали минировать казенныя зданія и приступили къ широкимъ фор-

тификаціоннымъ работамъ. Затопили также нѣсколько моторныхъ лодокъ, стоявшихъ на Проснѣ.

Для грабежа послѣ Прейскера осталось добычи немного, но новый комендантъ выдумалъ слѣдующую комбинацію: собраны были самые подонки населенія, но изъ тѣхъ, конечно, кто владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, и изъ нихъ организована была спеціальная милиція, къ составу которой приданы были командированные изъ Бреславля прусскіе жандармы. Эта компанія ходила по предметамъ и отбирала отъ населенія награбленныя съ помощью прейскеровскихъ солдатъ вещи и товары. Наиболѣе дешевое относилось къ коменданту, все же, что подороже, жандармы и милиціанты дѣлили между собою, а, затѣмъ, разъ въ недѣлю, изъ Бреславля пріѣзжали жены жандармовъ и вывозили награбленное въ Пруссію.

Мужчинъ съ предметій, у кого находили похищенное, арестовывали, а женщинъ пороли прямо на улицѣ.

У насъ на дворѣ было не совсѣмъ спокойно. Въ одномъ изъ флигелей до вступленія нѣмцевъ былъ ресторанъ и при немъ огромный погребъ всевозможныхъ винъ и водокъ. Ресторанъ этотъ былъ давно уже закрытъ, но о существованіи погреба кто-то нѣмцамъ донесъ и по нѣсколько разъ въ день нашъ дворъ посѣщали солдаты, забирая вина для комендантуры, а водку для себя. Изрѣдка они выдавали реквизиціонныя квитанціи, но чаще—прибѣгали къ угрозамъ и насилію.

Однажды утромъ Маша Бѣлецкая, видя, что собираюсь въ городъ, просила меня не выходить; однако, я не послушалась ея, тихонько выскочила на улицу и пошла какъ всегда по направленію къ сожженному нѣмцами зимнему театру. Но не удалось мнѣ пройти и сотни шаговъ, какъ я была поражена ужаснымъ зрѣлищемъ: на уцѣлѣвшихъ фонаряхъ висѣли люди...

Я едва доплелась обратно домой.

Объ этихъ несчастныхъ говорили разное: одни утверждали, что это бандиты, схваченные на мѣстѣ преступленія; а по словамъ другихъ, нѣмцы казнили остававшихся въ Калишѣ жел.-дорожныхъ служащихъ: часть разстрѣляли, а 18 человѣкъ повѣсили, обвинивъ въ томъ, будто они, при помощи карманныхъ электрическихъ фонариковъ сигнализировали русскимъ войскамъ...

За послѣдніе дни нѣмецкіе солдаты часто заглядывали въ квартиру ген. Гловачевского и требовали то мыла, то полотенца, то чего-нибудь еще. Само собою разумѣется, всѣ ихъ требованія приходилось исполнять безпрекословно.

Однажды, я, на пробу, сказала солдату, чтобы одолженное полотенце онъ возвратилъ мнѣ по минованіи надобности, но онъ рѣзко посовѣтывалъ мнѣ лучше запомнить, что нѣмецъ никогда не возвращаетъ того, что разъ взялъ!

Къ этому времени въ Калишѣ оставалось еще неразрушеннымъ нѣкоторое количество домовъ, а именно: 16 домовъ по аллеѣ Жозефины, нѣсколько—

на Вейской, на Новомъ Рынкѣ и на боковыхъ улицахъ; всего же уцѣлѣло какимъ-то чудомъ гораздо меньше половины всѣхъ домовъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, главнымъ образомъ въ Аллеѣ и на Вейской, представляли собою роскошные особняки мѣстныхъ богачей, давно уже выѣхавшихъ изъ города. Особняки эти были тщательно заперты, снабжены тяжелыми ставнями и рѣшетками и разграбленію до того времени подвергнуты не были.

Однако, комендантура давно уже смотрѣла на нихъ съ вождельніемъ, ища только повода ворваться туда и разграбить и ихъ.

Наконецъ комендантъ додумался. Было объявлено, что въ непродолжительномъ времени въ Калишъ прибудетъ нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ съ западно-европейскаго театра войны. Поэтому случаю комендантура назначила „реквизицію квартиръ“, которой долженъ былъ предшествовать осмотръ таковыхъ.

Приблизительно за недѣлю до прибытія вышеуказанныхъ войскъ изъ Бельгіи, новый комендантъ, вмѣстѣ съ Михелемъ, предпринялъ объѣздъ всего города, во время котораго онъ мѣломъ отмѣчалъ на воротахъ, сколько надлежитъ въ каждомъ данномъ домѣ или дворѣ расквартировать солдатъ, офицеровъ или лошадей.

Для содѣйствія „расквартированію“ вновь призваны были извѣстные уже по прежнимъ дѣламъ городскіе подонки, на помощь которымъ опять

прикомандировали жандармовъ и солдатъ, и „квартирная реквизиція“ продолжалась 6 дней. Огромныя военныя подводы подъѣзжали къ особнякамъ, взламывались ставни, и изъ квартиръ выносились и грузились на возы рояли, мебель, зеркала, картины, бѣлье, мѣха, фарфоръ, кухонная посуда... Все это тщательно окутывалось брезентами и увозилось за границу.

Особое стараніе прилагали хулиганы и, такъ какъ существовало правило: „что съ возу упало, то пропало“ и доставалось имъ, то „старались“ они такъ, чтобы падало съ возовъ не такъ ужъ мало!

Проживъ въ этой мукѣ 5 недѣль, безпрестанно переживая всѣ ужасы и всѣ фазы этой невѣроятной трагедіи, я дошла до очень плохого состоянія здоровья и нервовъ. Минутами мною овладѣвало полное разочарованіе и отчаяніе и сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ.

Маша дѣлилась со мною каждымъ кусочкомъ хлѣба, но, увы, онъ становился все большей и большей рѣдкостью и превратился понемногу въ лакомство, а ежедневной пищей нашей были капуста и картофель, да и тотъ безъ соли.

Изрѣдка намъ приносили немного молока, но, вообще женщины избѣгали доставлять молоко въ городъ, ибо по дорогѣ солдаты отнимали его и выпивали.

Я чувствовала, какъ съ каждымъ днемъ убываютъ силы, и мнѣ казалось, что понемногу за-

мираю. Тогда, день и ночь, я стала думать объ одномъ, какимъ бы чудомъ убѣжать и очутиться въ Варшавѣ.

Мною овладѣлъ какой-то дикій животный страхъ предъ новыми отрядами войскъ, которые ожидались въ Калишѣ, и мысль о бѣгствѣ превратилась въ манію.

Мнѣ казалось, что во главѣ этихъ войскъ въ Калишѣ войдетъ какой-то новый Прейскеръ, окончательно помѣшанный отъ ненависти и проникнутый единственной цѣлью—мстить!..

Мнѣ казалось, что всѣ пережитые ужасы — убійство безоружныхъ, бомбардированіе города, поджоги, грабежи—начнутся сначала, и какой-то голосъ внутри меня властно кричалъ: „нѣтъ, нѣтъ! лучше смерть отъ пули во время бѣгства, но все же скорѣе отсюда на свободу... на волю!“...

Рѣшеніе мое было окончательно, и я быстро начала готовиться къ его осуществленію... Прежде всего нужно было разузнать, какимъ способомъ можно переправиться черезъ рѣку, и мнѣ объяснили, что около дер. Варшувки существуетъ бродъ. Правда, нѣмцы заградили его и охраняютъ, но при отвагѣ и удачѣ все же имъ можно пробраться, и еще недавно этимъ бродомъ счастливо прошелъ одинъ парень изъ дер. Грунды. Я разыскала этого парня и узнала, что патруль обходитъ переправу лишь каждые два часа.

— Тамъ и попытаюсь!... рѣшила я.

Нужно было, конечно, предупредить Бѣлецкую и попробовать убѣдить ее бѣжать вмѣстѣ со мною. Впрочемъ, въ безнадежности этой попытки я была увѣрена заранѣе... Такъ оно и вышло. Робко, какъ бы сознавая все свое „отступничество“, вошла я къ ней въ комнату. Маша сидѣла тихо, въ глубокой задумчивости... Я подѣлилась съ нею своимъ планомъ и горячо убѣждала ее послѣдовать моему примѣру.

Увы, я услышала самый категорическій отказъ:

— Бѣгите, барыня;—отвѣтила Маша,—бѣгите съ Богомъ, но я отсюда не тронусь никуда. До сихъ поръ было счастливо—Богъ спасъ. Будетъ онъ хранить меня и дальше! Бѣгите же, барыня. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, хлѣба съ каждымъ днемъ все меньше и меньше. Одной мнѣ какъ-нибудь еще хватитъ картофеля и сухарей—вѣдь я простая, баба. А вы барыня, помрете съ голоду. Идите же, идите съ Богомъ...

Сердце разрывалось у меня отъ жалости, но рѣшеніе мое было непреклонно: Маша не хотѣла идти со мной—пойду одна! Пойду, что бы меня ни ожидало, а могло ожидать много тяжелаго; вѣдь впереди была полная неизвѣстность и только нѣмецкіе аэропланы, все чаще и чаще появлявшіеся надъ городомъ, сбрасывали прокламаціи со всевозможными тревожащими новостями о побѣдахъ нѣмецкихъ, о занятіи всего Царства Польскаго и т. п.

Вѣсть о моемъ рѣшеніи бѣжать быстро распространилось по нашему дому и вмѣстѣ со мною рѣшили отправиться еще двое мужчинъ и двѣ женщины изъ числа его жильцовъ.

Наконецъ, наступилъ послѣдній передъ нашимъ бѣгствомъ день.

Имѣя нѣсколько свободныхъ часовъ, я рѣшила еще разъ обойти городъ, еще разъ посмотрѣть развалины, подъ которыми злодѣйской рукой тевтонскаго убійцы погребено было столько человеческихъ жизней.

Я шла по улицамъ медленно, останавливаясь почти на каждомъ шагу. Тутъ стоялъ еще такъ недавно огромный домъ, нынѣ лежащій въ прахѣ... тамъ на площади, былъ изящный особнячекъ — теперь онъ сравненъ съ землею... а здѣсь въ Аллеѣ Жозефины возвышался когда то цѣлый рядъ домовъ, а нынѣ стоятъ однѣ полуразрушенныя стѣны..

Больше же всего иллюстрировалъ грозу, налетѣвшую на городъ Рынокъ — совершенно сожженный и разрушенный бомбардировкой...

Тишина вокругъ стояла могильная...

Воздухъ былъ отравленъ тяжелымъ запахомъ разложенія, шедшимъ изъ подъ развалинъ, откуда — то тамъ, то тутъ, торчали порою руки, ноги, застывшія въ несказанномъ ужасѣ лица...

Глядя на все это, хотѣлось кричать отъ боли, богохульствовать, проклинать...

Порою раздавался грохотъ падавшихъ стѣнъ и только эти трагическіе звуки и прерывали тишину.

Страшно было вокругъ, безнадежно страшно. Словно въ кругахъ Дантовскаго ада!

Только паркъ—чудный Калишскій паркъ—какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ. Правда, пули срѣзали много верхушекъ старыхъ деревьевъ; правда, разрушены были снарядами оранжереи, но дивные цвѣтники, клумбы, аллеи, роскошныя рощи прекрасныхъ розъ уцѣлѣли и цвѣли, какъ никогда.

По ихъ имени и Калишъ переименованъ былъ новымъ комендантомъ въ Розаштадтъ, надпись о чемъ висѣла на вокзалѣ.

Прогулка моя по развалинамъ Калиша продолжалась уже два часа, и пора было возвращаться домой. Я хотѣла рассказать Машѣ все, что видѣла, но такъ и не смогла: слишкомъ ужъ истрепало мои нервы это ужасное зрѣлище. Я была совершенно разбита, а тутъ, на утро, предстояла еще такая страшная дорога, полная всяческихъ ужасовъ. Я надѣялась лишь на то, что возможность спастись подниметь въ рѣшительный моментъ мои нервы, и ждала утра...

Мы рѣшили выступить въ походъ въ 2 часа дня, ибо, выйдя, раньше могли быть задержаны солдатами и отправлены на земляныя работы. Проводникомъ нашимъ былъ тотъ парень изъ Грундъ, о которомъ я уже упоминала.

Однако, около полудня, мы увидѣли, что въ городъ входятъ новые огромные отряды ландштурма. Въ рядахъ ихъ были и 60-лѣтніе старцы, и 16-лѣтніе юноши. Одѣты они были преимуще-

ственно въ штатское платье, съ большими черными шляпами на головахъ. Приобщали ихъ къ войску только новенькія ружья... Они расползлись по всему Калишу, и думать о бѣгствѣ въ этотъ день было невозможно. Пришлось отложить его еще на одинъ день.

Я была очень взволнована и всю ночь не спала. Встала я при первыхъ проблескахъ утра, связала свои вещи въ небольшой узелокъ, одѣлась поскромнѣе и попроще и прошла къ Машѣ.

Нашъ послѣдній разговоръ съ нею золотыми буквами запечатлѣлся въ моей памяти.

Я смотрѣла на ея характерное лицо, на ея живые, пламенные глаза и вслушивалась въ ея рѣчь, которая казалась мнѣ вдохновенно-мистической. Слова ея проникнуты были безграничной привязанностью, исключительной преданностью своимъ „господамъ“, и она умоляла меня, когда „я приду въ Варшаву“—написать генералу, что она, повинувась его приказу, зорко сторожить ихъ добро и будетъ сторожить его до послѣдней капли крови...

Послѣдніе часы моего пребыванія въ Калишѣ цѣликомъ посвящены были Машѣ Бѣлецкой...

Приближалось 2 часа дня, пришелъ уже и нашъ проводникъ, пришли наши спутники... я закуталась въ платокъ, взяла узелокъ на плечи и пошла въ дорогу... къ свѣту, къ свободѣ!..

Но гостепріимный кровъ Гловачевскихъ я покидала со слезами на глазахъ...

.

Было это въ пятницу 18 сентября... Дождь падалъ съ самаго утра... Было сыро и холодно... Но обо всемъ этомъ я вспоминаю лишь теперь, тогда же никто изъ насъ на это и не глядѣлъ.

Проводникъ сказалъ намъ, что если насъ остановитъ патруль и спроситъ, куда мы идемъ, то слѣдуетъ отвѣчать по нѣмецки, что идемъ недалеко за хлѣбомъ и картофелемъ и скоро вернемся.

Чтобы попасть къ броду на Проснѣ, нужно было пройти весь городъ и предмѣстье. Мы шли быстро и встрѣчные — одни подсмѣивались надъ нами, другіе грустно кивали головою, шепча: „бѣднота!“

Мы видѣли, что большіе отряды войска выступаютъ въ сторону Лодзи, и на минуту намъ стало какъ будто легче. Но затѣмъ на Вроцлавской улицѣ насъ встрѣтилъ нѣмецкій патруль.

Я такъ и замерла... Пропустятъ насъ или не дадутъ пройти?.. Просто остановятъ и вернуть обратно или арестуютъ?..

Офицеръ рѣзко крикнулъ намъ:

— Откуда, куда и зачѣмъ?

Помня предостереженіе проводника, я, какъ можно почтительнѣе, отвѣтила по-нѣмецки, что идемъ на предмѣстье за хлѣбомъ и картошкой. Офицеръ сердито и какъ бы съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на меня и приказалъ долго тамъ не задерживаться и вернуться въ городъ не позже 6-ти. Мы, какъ могли, припустили прыти и черезъ часъ форсированнаго марша оказались уже въ предмѣстьяхъ города.

Часть ихъ уцѣлѣла; стояли кварталы домовъ; у воротъ мирно бесѣдовали между собою дѣвушки и лукаво посматривали на насъ.

Тамъ патрули состояли исключительно изъ ландштурма.

— Куда?—окликнулъ насъ по польски пожилой ландштурмистъ, очевидно полякъ изъ Силезіи.

— За хлѣбомъ и картошкой!—по польски же отвѣтила.

— Да какъ же! засмѣялась какая то баба.— Удираете небось, а насъ швабамъ оставляете!...

— Тише, тише... зашептала я, — ради Бога, тише. Мы, вѣдь, вамъ ничего не сдѣлали, позвольте намъ мирно продолжать нашъ путь.

— Ну ужъ, идите, идите съ Богомъ. Намъ то вотъ некуда идти, а то бѣда здѣсь намъ: проклятые швабы даже отъ дѣтей отбираютъ хлѣбъ, покарай ихъ Господь... Чтобъ имъ ни дна ни покрышки...

Долго еще доносились до насъ ругательства и проклятія бабы, утиравшей фартукомъ слезы, а мы неслись впередъ со всѣхъ ногъ. До рѣки было уже недалеко... мы бѣжали полемъ вдоль грядъ картофеля и свеклы... Дождь все усиливался. Башмаки мои были полны водою и грязью и приковыляли ноги къ землѣ...

Наконецъ, къ 5-ти часамъ, мы добрались до рѣки.

Передъ нами лежала серебристо-сѣрая, чуть волнующаяся гладь быстро бѣжавшей рѣки, сзади насъ—оставались развалины Калиша.

Долго раздумывать было нечего, я мигомъ сбросила башмаки и чулки, проводникъ быстро—въ воду, мы за нимъ. Намъ сначала показалось, что бродъ слишкомъ глубокъ и мы не пройдемъ—вода сразу была по поясъ...

Но потомъ все же двинулись. Для людей, непривычныхъ къ такого рода переправамъ, эта задача почти невыполнимая, и когда мы добрались до того берега, намъ казалось, что совершилось чудо.

Гардеробъ нашъ былъ болѣе, чѣмъ ограниченъ, и переодѣваться не приходилось. Такъ насквозь промокшіе, мы и побѣжали дальше. Ближайшей нашей цѣлью была деревня Варшувка, лежавшая еще не такъ близко...

Истощенный организмъ мой съ трудомъ выдерживалъ нашъ форсированный бѣгъ... Я обливалась потомъ, колѣна подгибались, въ глазахъ ходили черные круги, не хватало дыханія... я съ ужасомъ ожидала, что вотъ-вотъ упаду безъ сознанія.

Наконецъ, вдали замигали огоньки. Это были первые дома Варшувки. Нашъ проводникъ постучалъ въ одну изъ халупъ. Намъ быстро открыли, и мы, какъ мертвые, попадали на полъ. Хозяева помогли намъ подняться, подложили солому, развели огонь, высушили наше платье, дали горячаго молока и хлѣба.

Роскошнѣйшіе дворцы счастливыхъ и великихъ сего міра не могли для насъ сравниться съ этимъ мужицкимъ очагомъ и горстью соломы.

Отдохнувъ два часа, мы разговорились съ нашими хозяевами.

Я спросила, слышали ли они канонаду во время бомбардированія Калиша.

— А какъ же?—отвѣтила хозяйка—земля стояла, а снаряды, какъ молніи, летали. Мы ужь думали, что въ Калишѣ всѣ перебиты. Нашей стороной оттуда мало народу бѣжало, ибо прусская граница здѣсь близко, и нужно хорошо знать дорогу, чтобы не угодить къ швабамъ.

— А у васъ они давно были?

— Нѣсколько дней всего назадъ. Забрали немного сала и свинины, дали какія-то записки... неизвѣстно только, что тамъ написано...

Одинъ изъ нашихъ, вечеромъ пошелъ на деревню, чтобы попытаться достать лошадей, и намъ тутъ очень повезло. Сразу же нашелся какой то хуторянинъ, согласившійся за самую скромную плату отвезти насъ въ Ставишинъ, гдѣ, по его словамъ, мы легко могли найти лошадей и для дальнѣйшаго пути.

— Заѣду за вами къ 9 ч. утра. Позже нельзя, ибо швабы днемъ часто наѣзжаютъ...

Наша хозяйка спрятала наши узелки въ сундукъ, дала намъ большіе платки, и мы зарылись въ солому, мечтая найти въ снѣ отдохновеніе и силы для дальнѣйшаго пути.

Но подъемъ нервовъ не давалъ заснуть, и малѣйшій шорохъ въ избѣ наполнялъ душу страхомъ.

Въ 6 ч. утра одна изъ мѣстныхъ женщинъ отправилась въ Калишъ съ молокомъ и капустой, но скоро вернулась. По дорогѣ она повстрѣчалась, какъ оказывается, съ подругой, и та рассказала ей, что за ночь въ Калишъ вступило нѣсколько десятковъ тысячъ войска, встрѣченныхъ населеніемъ, по приказу коменданта, съ факелами въ рукахъ, ибо въ Калишѣ послѣ пожара газоваго завода царила ночью полная тьма... Войска эти были расквартированы по квартирамъ обывателей.

Это было послѣднее свѣдѣніе, полученное мною непосредственно изъ Калиша.

Близился часъ отъѣзда. Хозяева насъ снова накормили, и вскорѣ подали намъ и лошадей.

Крестьяне, у которыхъ мы останавливались, категорически отказались взять отъ насъ плату, заявивъ, что Богъ велитъ помогать несчастнымъ. Мы еще разъ отъ всего сердца поблагодарили ихъ и тронулись дальше.

Мы ѣхали проселками, потомъ опушкой лѣса.

— Далеко до границы?—спросила я крестьянина.

— И, барышня! Верста всего, а скоро будемъ и еще ближе...

Мнѣ стало не по себѣ; но крестьянинъ увѣрялъ, что нѣмцы тутъ не ѣздятъ.

Онъ былъ правъ и, въ концѣ концовъ, въ 4 часа дня, мы безъ всякихъ приключеній благополучно пріѣхали въ Ставишинъ и остановились у какого-то крестьянина на Рынкѣ. Насъ тотчасъ же

окружила толпа народа, разспрашивавшая о Калишѣ и о томъ, какъ намъ удалось оттуда выбраться.

Разсказавъ имъ наши приключенія, мы просили достать лошадей на Конинъ, но намъ отсовѣтовали туда ѣхать, ибо, по словамъ населенія, тамъ были уже нѣмцы, а направляли насъ на Турекъ. Поблагодаривъ за дѣльный совѣтъ, мы туда и поѣхали, рѣшивъ въ Турекѣ переночевать.

Снова побѣждали проселки и шляхи, снова страхъ передъ возможностью встрѣчи съ патрулемъ... По счастью, по дорогѣ мы встрѣчали только крестьянъ, занятыхъ полевыми работами, и къ 7-ми часамъ добрались до Турека. На пятерыхъ намъ въ гостинницѣ отвели одинъ номеръ, въ которомъ мы кое какъ и размѣстились.

Въ гостинницѣ жила какъ разъ въ это время сестра члена Госуд. Думы г-жа М. Парчевская. Она зашла къ намъ и просила передать въ Варшавѣ ея письма...

Нужно было опять озаботиться подводой, но, увы, съ каждымъ разомъ это дѣлалось все труднѣе и труднѣе, и наши капиталы таяли съ угрожающей быстротой.

Наконецъ мы достали повозку въ одну лошадь, хозяинъ которой соглашался доставить насъ со всѣми узлами до самага Кутна за 10 рублей.

Приходилось согласиться и на это.

На слѣдующій день въ 9 ч. утра, кое какъ взгромоздившись на возъ, мы съ трудомъ двину-

лись въ дальнѣйшій путь и въ 2 часа были уже въ Коло. Нужно было дать лошади отдохнуть и поѣсть, и мы остановились въ какой-то корчмѣ, гдѣ застали запасныхъ, торопившихся въ Кутно.

Они разспрашивали насъ о Калишѣ, но вокругъ было много народу, и мы отвѣчали весьма неохотно, ибо боялись шпионовъ.

Въ 4 часа мы выѣхали изъ Коло и продолжали нашъ путь безъ особыхъ приключеній. По дорогѣ встрѣчались только возы съ товарами и запасные. Шли они весело, съ пѣснями и шутками.

Солнце, заходя къ вечеру за тучи, озарило горизонтъ багровымъ пламенемъ заката. Но чѣмъ больше темнѣло, тѣмъ это красное зарево, вмѣсто того, чтобы блѣднѣть, разгоралось все ярче и ярче. Лучи его вились, клубились и жадно лизали полнеба...

Насъ обогнали какіе-то господа и объяснили, что нѣмцы подождли Конинъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все лѣнивѣе переставляла утомленные ноги наша лошадь, и къ 11-ти часамъ вечера мы едва дотащились до Клодавы.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, темень стояла сплошная... Рынокъ запруженъ былъ массой подводъ, и всѣ наши попытки разыскать хоть какойнибудь ночлегъ оставались тщетны: никто даже открывать не хотѣлъ, несмотря на то, что стучались мы во всѣ почти двери.

Въ Клодавѣ была уже полиція. На наши блужданія обратили вниманіе и отправили въ участокъ.

На паспорта наши смотрѣли весьма подозрительно и готовы были принять за шпионовъ, если бы среди стражниковъ не оказался одинъ изъ Калиша, который узналъ насъ и подтвердилъ, что мы артисты лѣтняго театра.

Только послѣ этого удовлетворились нашими паспортами и дали намъ пропускъ на дальнѣйшую дорогу.

Этотъ же самый стражникъ отвелъ насъ въ какую то корчму, куда мы раньше стучались безрезультатно, и приказалъ хозяину пріютить насъ.

Мы были мокры до нитки и полузамерши. Вдобавокъ и голодъ порядкомъ мучилъ насъ, ибо весь день питались только чаемъ и черствымъ хлѣбомъ. Въ корчмѣ отвели намъ грязную комнату, а за кипятокъ потребовали 30 копеекъ.

Просидѣвъ у этихъ негостепріимныхъ людей до 8 час. утра, мы снова тронулись въ путь.

Въ двухъ верстахъ отъ Клодавы мы встрѣтили первый русскій разъѣздъ, состоявшій изъ 18 казаковъ съ офицеромъ во главѣ.

Одинъ изъ казаковъ, замѣтивъ насъ издалека, подскакалъ къ нашему возку, спѣшилъ, и задержавъ насъ, сталъ допрашивать, откуда мы и куда ѣдемъ. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ къ намъ и офицеръ и, узнавъ, откуда мы, спрашивалъ о калишскихъ событіяхъ и интересовался, не встрѣтили ли мы по дорогѣ нѣмцевъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ я рассказала офицеру о положеніи вещей въ Калишѣ и добавила, что сейчасъ нѣмцы жгутъ Конинъ.

Офицеръ пожелалъ намъ счастливой дороги и сказалъ, что дальше путь уже безопасенъ: надо только торопиться, ибо изъ Кутна въ Варшаву ходитъ теперь всего одинъ поѣздъ въ день.

— Ну, братцы,—обратился онъ потомъ къ казакамъ,—ѣдемъ теперь подъ Конинъ, посмотримъ, что тамъ дѣлаетъ нѣмчура!

— Ёдемъ!—отвѣтили хоромъ казаки и поскакали впередъ.

Мы двинулись въ путь, но о болѣе быстромъ передвиженіи нечего было и думать. Нашъ измученный одеръ едва волокъ повозку, и думать приходилось только о томъ, какъ бы онъ не отказался служить намъ окончательно.

Въ полдень пріѣхали въ Красневицы. Тамъ было оживленіе необычайное. Автомобили, подводы, коляски, кареты толкались на небольшомъ пространствѣ и напоминали какой-то необычный обозъ.

Покрытые грязью и пылью, мы заѣхали въ гостиницу Богданскихъ. Хозяева, занятые укладкой серебра и винъ, встрѣтили насъ болѣе чѣмъ непривѣтливо. Драли за все неимовѣрно и вдобавокъ смотрѣли весьма подозрительно.

Отдохнувъ немного, мы поѣхали дальше. Въ Косцельскѣ насъ остановилъ русскій разъѣздъ, но, узнавъ, что мы ѣдемъ изъ Калиша, разрѣшилъ спокойно продолжать нашъ путь.

Еще разъ насъ остановили у дворца, гдѣ пребывало въ то время одно важное лицо...

Солдаты и служащіе встрѣтили насъ привѣтливо, угощали насъ рѣшительно всѣмъ, но я была такъ измучена, такъ издергана, что находилась все время какъ бы въ полусознаніи, и, несмотря на голодъ, мечтала только объ одномъ: какъ бы скорѣе все кончилось.

Въ 4 часа мы наконецъ оказались въ Кутнѣ... Тутъ мы застали большіе отряды войскъ, артиллерию и обозы. Мы проѣхали прямо къ станціи, но на вокзалѣ насъ впустили только передъ самымъ отходомъ поѣзда, т. е. къ 6-ти часамъ, и это время намъ надо было прождать на подѣздѣ...

Мы подсчитали наши капиталы и, на счастье, оказалось, что денегъ на билеты у насъ хватитъ, но по приѣздѣ въ Варшаву у насъ на всѣхъ останется 18 копеекъ.

Билетовъ намъ кассиръ не продалъ и направилъ за разрѣшеніемъ на отѣздъ къ коменданту. Того не оказалось, и насъ отправили къ жандармскому начальнику...

Оставалось всего нѣсколько минутъ, а поѣздъ этотъ былъ послѣдній...

Въ концѣ концовъ мы получили билеты... милые драгоцѣнные билеты!

Къ вокзалу прибывали огромныя толпы народу, одна за другою подѣзжали кареты, брички, подводы, перегруженные багажомъ и людьми, бѣжавшими со стороны Плоцка и везшими съ собою все свое движимое имущество.

Трудно представить себѣ, что творилось на перронѣ, а потомъ и въ поѣздѣ... Толчея неопи-суемая, крики падающихъ въ обморокъ женщинъ, плачь дѣтей, проклятiя мужчинъ, руготня кондук-торовъ...

Вдобавокъ не хватало воздуха, ибо не позво-ляли открывать оконъ.

Были мы въ пути девять часовъ и въ три утра добрались до цѣли... до Варшавы!..

На станціи тамъ также было огромное движеніе, ибо какъ разъ одновременно съ нами привезли плѣнныхъ...

Мы сложили наши пожитки въ уголку залы III-го класса и рѣшили обдумать положеніе... Од-нако, всѣ мы оказались до того измученными, что ни о какой инициативѣ не могло быть и рѣчи.

Наша компанія обратила на себя вниманіе ка-кого-то господина, который подошелъ къ намъ и представился. Это былъ нѣкій г. Баранецкій. Онъ поинтересовался, откуда мы и, узнавъ, что изъ Ка-лиша, объяснилъ, что состоитъ членомъ обыва-тельскаго комитета.

— Есть ли у васъ родные въ Варшавѣ?—про-должалъ Баранецкій.

Оказалось, что родныхъ здѣсь не было ни у кого: одинъ былъ изъ Кѣлецкаго уѣзда, другой—изъ Велюня, третій—изъ Ченстохова...

Тогда Баранецкій далъ намъ адресъ какой-то гостиницы на Новгородской улицѣ. Тамъ мы должны были выспаться, а на утро—идти въ Швейцарскую

Долину *), гдѣ было устроено убѣжище для такихъ бѣдняковъ, какъ мы!..

Баранецкій самъ даже проводилъ насъ въ гостиницу, и тамъ дали намъ двѣ комнаты, воды для мытья, чаю и хлѣба.

Въ 11 ч. утра онъ опять пришелъ за нами и отвелъ въ Швейцарскую Долину. Насъ помѣстили въ одномъ изъ уголковъ огромнаго зала и велѣли ожидать дальнѣйшихъ распоряженій комитета.

Нашлись въ убѣжищѣ и знакомые по Калишу, бѣжавшіе оттуда много раньше насъ.

Они обступили насъ съ разспросами о несчастномъ городѣ.

— А уцѣлѣлъ ли такой-то домъ на Вроцлавской, гдѣ я жилъ?

— Увы, сожженъ!..

— А тотъ особнякъ на Рынкѣ?

— Въ развалинахъ...

Просидѣла тамъ я два часа, и наконецъ мнѣ объявили, что я не могу рассчитывать ни на какую помощь со стороны комитета, ибо я не постоянная жительница Калиша, а была застигнута тамъ бѣдствіемъ случайно.

Я должна была оставить Долину и бездомная, безсильная, очутилась на Уяздовской Аллеѣ. Я сѣла на скамейку и съ тоскою осмотрѣлась вокругъ.

Былъ ясный, теплый день. Но передъ глазами у меня стояла какая-то дымка и застилала туманъ.

*) Концертный залъ.

номъ уличное движеніе, оживленное, какъ всегда. Невѣроятно напрягая память, я пыталась вспомнить хоть одну фамилію, одинъ адресъ, хоть что-нибудь изъ такого недавняго прошлаго, но—напрасно. Все было покрыто какой-то пеленою и разорвать ее память не могла.

Калишъ, трагедію котораго мнѣ пришлось дѣлать съ нимъ въ теченіе шести долгихъ, какъ вѣчность, недѣль, вытравилъ во мнѣ всѣ воспоминанія о болѣе раннемъ прошлом!

И я почувствовала, какъ горячія слезы въ два ручья потекли по моему лицу... И это принесло облегченіе—я почувствовала, что все же живу. Я поднялась со скамейки, пошла къ Александровской улицѣ и потомъ къ Новому Свѣту.

Варшава, наша дивная столица, раскрывала передо мною понемногу свои объятія и будила новыя надежды...

Шла я впередъ, руководимая какимъ-то инстинктомъ и обрывками памяти... Прошла одну—двѣ улицы и оказалась у воротъ знакомаго дома. Черезъ мгновеніе я звонила уже у дверей NN.—моей близкой знакомой. Сердце билось сильно—что, если, вдругъ ее нѣтъ, вдругъ она уѣхала.. Мнѣ быстро открыли дверь и NN. сердечно меня привѣтствовала.

Я рассказала ей, какъ могла, мою одиссею и услышала въ отвѣтъ:

— Ты здѣсь у себя. Живи и отдыхай!..

Буря стихла. Я была у тихой пристани и, окруженная заботами и лаской, скоро вернула себя прежнюю бодрость духа...

Калишская трагедія съ моимъ бѣгствомъ, въ видѣ эпилога, навсегда запечатлѣна въ моемъ сердцѣ и въ памяти и призываетъ виновниковъ къ страшному отвѣту за муки несчастнаго города и за всѣ бѣды, причиненныя нашему краю дикими тевтонскими ордами...

Справедливый Богъ благословитъ на побѣду доблестныя русскія войска, проливающія кровь за свободу народовъ, и всѣ польскія сердца—и словомъ, и помышленіемъ, и дѣломъ—будутъ съ ними въ этой побѣдной войнѣ.

Богъ имъ на помощь!..

Издательское Т-во „СОЮЗЪ“

Петроградъ. Владимірскій пр., 10.

Имѣются на складѣ:

СЛОВАРЬ

Современной войны.

объясненіе военныхъ, политическихъ и географическихъ терминовъ и выраженій, встречающихся въ литературѣ военного и мирнаго времени.

Цѣна 20 коп.

Шевалье И.

Правда о войнѣ на Балканахъ. Записки
военнаго корреспондента съ иллюстраціями.
1913 г.

Цѣна 75 коп.

СКИДКА 30%.

Пересылка за счетъ покупателей.

Имѣются на складѣ:

На Скерневицкой позиціи.

Цѣна 5 коп.

Сохачевскія битвы

и жизнь въ окопахъ.

Цѣна 5 к.

Битва подъ Лодзью.

Цѣна 5 к.

ТРЕБУЙТЕ

у всѣхъ газетчиковъ и книгопродавцевъ.

ТАЙНЫ
германского военного министерства
или
сенсационныя записки германского
ШПИОНА.

==== Выходить выпусками. ====

Цѣна выпуска 5 к.

Газетчикамъ
и продавцамъ
большая скидка.

Съ требованіемъ обращаться:

Издательское Товарищество „Союзъ.“

Петроградъ. Владимірскій пр., 10.

Имѣются на складѣ:

Сорокинъ М.

Руководство для опредѣленія просрочки въ доставкѣ грузовъ и вознагражденія за таковую. 1910 г.

Цѣна 1 руб.

Лянченковъ М. С.

Правила и циркуляры о назначеніи пособій и наградъ служащимъ на каз. ж. д. 1912 г.

Цѣна 1 руб.

Ивановъ-Мироновъ.

Расчетная таблица хлѣбныхъ тарифовъ на новогоднюю перевозку хлѣба въ зернѣ и масляничныхъ сѣмянъ по росс. и заграничнымъ жел. дор. 1913 года.

Цѣна 1 руб.

Бессонъ.

Бюджетный контроль въ разныхъ государствахъ.

Цѣна 1 р. 30 к.

СКИДКА 25%.

Пересылка за счетъ покупателя.

Имѣются на складѣ:

Фильковичъ Н.

Экономическій очеркъ къ проекту постройки
Центрально-Кавказской-перевальной жел.
черезъ Кавказскій хребетъ съ картами. д.

Цѣна 1 р. 50 к.

Новое положеніе

о службахъ сборовъ каз. ж. д. 1908 г.

Цѣна 1 р.

Манасевичъ.

Конспектъ по технической и Коммерческой
частямъ сл. движенія

Цѣна 1 р.

Ляхченковъ М. С.

Уставъ російскихъ жел. дор. съ разъясне-
ніемъ сената и циркулярами Управ. жел. д.
Карманное изданіе въ переплетѣ 1910 г.

Цѣна 2 р.

Ляхчевъ М. С.

Рѣшеніе Прав. Сената по жел. дор. дѣламъ
1905—1911 г.г. включительно.

Цѣна 2 р.

К у р о.

Желѣзныя дороги Азіатской турціи съ кар-
тами.

Цѣна 2 р.

Кармановъ.

Таблица годовыхъ произведеній всѣхъ чиселъ
первой сотни.

Цѣна 2 р.

Козякинъ.

Пособіе къ изученію правилъ технической
эксплоатаціи.

Цѣна 1 р. 75 к.

СКИДКА 20%

Пересылка за счетъ покупателя.

Ижъются на складъ:

Строевъ-Поллинъ И. А.

ПОЛОСАТАЯ СОТНЯ

(юмористическая). 1908 года. Цѣна 1 руб.

Янчевскій В.

Воспитаніе сверхчеловѣка. Цѣна 1 руб.

Александровскій Ю. В.

Законъ 14 Іюня 1910 года, объ измѣненіи
и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о
крестьянскомъ землевладѣніи. 1911 г.

Цѣна 3 р. 50 к.

СКИДКА 50%

Пересылка за счетъ покупателя.

Хмѣется на складѣ:

Справочная книга
для лицъ оканчивающихъ
Среднія учебныя заведенія
и
желающихъ поступить въ одно изъ
высшихъ учебныхъ заведеній
Россіи или заграницей.
1915 г.

Цѣна 75 к.

СКИДКА 25%.

Пересылка за счетъ покупателя.

ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

3-й
годъ
издѣн.

ДЕНЬ

3-й
годъ
издѣн.

За 30 к. (почт. мар.) для озн. газ. высыл. въ теченіе 2-хъ недѣль.

Газета имѣетъ
спеціальныхъ

ВОЕННЫХЪ

корреспондентовъ на теат-
рахъ военныхъ дѣйствій:

ВЪ РОССИИ: Н. П. Ашешовъ, А. Большаковъ, П. Сурожскій, А. Масанновъ.
НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ: В. Рогининъ, В. Черновъ.

Спеціальныя корреспонденты: А. В. Дуначарскій (Парижъ), Ст. Вольскій, В. Керженцевъ (Лондонъ), А. Троповскій (Копенгагенъ), М. Семеновъ (Стокгольмъ), Н. Левинъ, (Бухарестъ), М. Ратнеръ (Цюрихъ).

Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. К. Агафоновъ, Влад. Азовъ, А. В. Амфи-театровъ, Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Амичковъ, К. Н. Арсеньевъ, И. П. Ашешовъ, Ва. Беренштамъ, І. М. Бикерманъ, Р. М. Бланкъ, Александръ Блокъ, Б. Я. Богучарскій, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, проф. А. К. Бороздинъ, Валерій Брюсъ, В. Бурцевъ, Эмилъ Верхарнъ, В. В. Водовозовъ, С. Вольскій, Ч. Втринскій, Б. Ф. Гейеръ, Зин. Гиппюсъ, А. К. Джигилеговъ, С. Д. Дмитриевъ, Д. Заславскій, (Hornicholus), С. Золотаревъ, проф. А. А. Исаевъ, проф. Л. П. Карсавинъ, В. Керженцевъ, П. С. Коганъ, П. П. Коломийцевъ, проф. С. А. Корфъ, А. Р. Кугель (Homo Novus), І. Р. Кугель, В. Д. Кузьминъ-Нараевъ, Эм. Ласкеръ, И. Левинъ, проф. Н. О. Лосскій, А. В. Луначарскій, Евг. Ляцкий, Д. С. Мережковский, Н. Г. Мижуевъ, И. В. Новорусскій, Н. П. Огановскій, О. Л. Д'Оль, Н. Д. Ражитновъ, С. Т. Патрашкинъ, К. М. Пономаревъ, П. П. Потемкинъ, А. Пругавинъ, М. Ратиоръ, А. М. Ремизовъ, И. М. Розенфельдъ, Петръ Рысь, Сильчешскій, М. А. Славянский, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, Ю. М. Стенловъ, проф. Е. В. Тарле, В. Теръ-Оганезовъ, И. Трегубовъ, А. Троповскій, Поль Форъ, А. Ш. Хирьяковъ, Викторъ Черновъ, П. Е. Щеголевъ, Б. Я. Эмарумъ, К. Я. Этингеръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой: на 12 м.—10 р., на 6 м.—5 р. 80 к., на 3 м.—2 р. 80 к., на 1 м.—1 р. Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредствен-номъ обращеніи въ главную контору: на 12 мѣс.—8 р., 9 м.—6 р. 20 коп., 6 м.—4 р. 25 коп., 3 м.—2 р. 20 коп., 1 м.—75 коп.

При годовой подпискѣ **РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ 4 руб., въ апрѣлѣ 3 руб. и въ августѣ 2 руб. При льготной подпискѣ вносится: 3 р. при подпискѣ, въ апрѣлѣ—3 р. и въ августѣ—2 руб.

Подписка признается во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи.
Два пробныхъ номера высылаются **БЕЗПЛАТНО**.

Цѣна отдѣльнаго № — 5 коп.

Газета „ДЕНЬ“ продается во всѣхъ кіоскахъ жел. дор. и у газетчиковъ во всѣхъ городахъ Россіи.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 69.

125
116